

УДК 1(470)(092)

doi: 10.25730/VSU.7606.19.003

Образовательное значение смыслов Густава Шпета (К 140-летию Г. Г. Шпета)

Ю. А. Сауров¹, Е. А. Счастливецва²

¹доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru
²доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
E-mail: abcr@yandex.ru

Мы познаем мир не природой данными нам органами,
а органами, возникшими, ставшими в пространстве самого познания.
*М. Мамардашвили**

Формальность понятия, по-видимому, уничтожает смысл в понятии!
*Г. Г. Шпет***

Аннотация. В статье нашел выражение наш многолетний интерес к творчеству Г. Г. Шпета. Сто лет назад в работах мыслителя под углом зрения явно и ясно формулируемой методологии познания высказаны и обоснованы важные представления о смысле как необходимом инструменте понимания мира или истории мира и самого себя.

В наше время речь идет не только об академическом интересе к представлениям о смысле, но и, главное, о прикладном значении использования этого инструмента познания и понимания в образовании. Именно сейчас в конгломерате (хаосе) текстов так важна способность выделять (может быть, производить) смыслы текстов. Без этого такие интеллектуальные скрепы людей, как понимание, не будут эффективно работать.

Статья имеет своей целью показать рождение смысла в контексте социального мышления. Авторы обращаются к философскому наследию Г. Г. Шпета, в частности к его обширному труду «История как проблема логики».

Статья раскрывает проблему конструирования смысла в социальной реальности, в том числе в истории. Смысл зависит от предмета познания. Понимание, согласно Г. Г. Шпету, не дает научного объяснения. Всякое научное объяснение нуждается в объективной, то есть логической форме, в силу этого история оказывается предметом (проблемой) логики, а именно предметом рационального, дискурсивного объяснения. Это объяснение нужно усматривать не в творческой деятельности субъекта, а в реальной связи действительных объектов – фактах.

Через понятие философ выходит на проблему всеобщего. Проблема, которую он решает, – это проблема корреляции интуиции и понятия. Г. Г. Шпет выводит специальный вид интеллигентной интуиции, которую он направляет на конкретный исторический предмет. В историческом познании мы имеем дело с корреляцией логического и фактического.

Методология Г. Г. Шпета применима и в образовательном процессе: как инструмент объяснения и познания, а понимание выступает у него внутренним, на основе объяснения, моментом познавательной деятельности. Категория смысла является важным инструментом познания образовательной реальности, являясь онтологической категорией. Разграничение смысла и знания позволяет продвинуться дальше в понимании смысла, исходя из целеполагающей деятельности различных коллективов и их организаций.

Ключевые слова: смысл, методология, история, знание, познание, факты, модели, знаковое мышление, деятельность.

Судьба и творчество *Густава Густавовича Шпета* (1879–1937) вызывают грусть и очарование. Неслучайно сейчас он широко издается и читается [1; 3; 6; 24; 29–30; 33–37]. Столетней давности мысли живут в текстах с такой ясностью и глубиной, как будто это ты сам мыслишь и живешь... Есть сомнение, что, может быть, название статьи излишне двусмысленно. Но вдумаясь: смыслы рождаются и изменяются в коммуникации. И хотя объектно и объ-

© Сауров Ю. А., Счастливецва Е. А., 2019

* [10, с. 22].

** [37, с. 566].

ективно они связаны такой фундаментальной эпистемологической единицей, как понятие, но сильно окрашены задачами образования. Не в этом ли главный смысл их существования?

Введение: о цели, предмете и методе исследования

Цель прозрачная – выяснение значения, содержания, роли смыслов как категории для образовательной деятельности. Предмет видится сложнее, неопределеннее. Нас мало интересует задание формально логического отношения к смыслу. Мы центрируемся на рассмотрении смысла в столкновении миров онтологии и гносеологии, мира Природы и Мира человека как единого Мира. Мы выбираем такие методы как а) диалектико-материалистический, б) доказательство гипотезы о существовании у Густава Шпета определенной системы представлений о смысле. И ищем, с верой в руках, ответы на свои вопросы в текстах Густава Шпета.

Пока эту гипотезу мы актуализируем в виде диалога из вопросов и ответов: «Где смыслы? Нет, не в Природе. Значит, тогда в человеческом мире, в культуре, в знаниях, представлениях? Если это знания о действительности природы, то вряд ли там есть место смыслам? Если это действительность человеческого идеального мира понятий взятого как предмет изучения, то где там место смысла? Не совсем ясно. Где конкретно? В представлениях о каком мире? Если это мир человека, то это мир субъективный, “вкусовой”. И так ли значим в этом мире вопрос о смыслах? Что дает это функционально познанию? И зачем?»

Для конкретизации гипотезы мы остановились на следующей форме естественнонаучного метода познания (в традициях Галилея и Эйнштейна) в обучении: «факты, проблема – гипотеза, модель – следствия, дедуктивный вывод – практика, эксперимент над знанием» (В. Г. Разумовский [19]). Важно отметить, что такая логика содержания образования хорошо согласуется с формой познавательной деятельности в психологии усвоения: мотивация – ориентировочная основа действий в виде схемы-модели – предметная деятельность (материализованная, материальная, речевая) – внутренняя речь «про себя» и мысль (П. Я. Гальперин, Н. Г. Салмина и др.) [20].

Теоретические идеи и модели смыслообразования

Для построения схемы-матрицы видения смыслов в творчестве Г. Г. Шпета мы опираемся на работы, прежде всего, двух методологов: А. В. Смирнова [26] и Г. П. Щедровицкого [38–41], – используя, по возможности, публикации некоторых других авторов [2; 4–5; 8–15; 17–25; 27–32].

Общефилософские, скорее субъектно-онтологические, размышления о смысле А. В. Смирнова требуют вчитывания по оригиналу. Но ниже мы опираемся на тексты нашего анализа работы А. В. Смирнова (см. полнее статью Ю. А. Саурова [22, с. 95–97]). Мы согласны с автором в том, что категория смысла плохо проблематизирована. Хотя для научной и образовательной деятельности это не обязательно непреодолимая трудность. В целом теоретические тексты рассматриваются как факты, прежде всего, точно представленные в форме цитат, которые мы используем как средство для наших целей. Ниже выделены эти составляющие матрицы видения. На их платформе мы разглядываем и понимаем представления Г. Г. Шпета.

Значит, смысл – организованность нашего сознания? И как тогда понимать, что содержание сознания – это и есть результат движения от смысла? Трудно окончательно ответить на эти вопросы...

О полотне мира и сознании как источнике смыслов

Хотя и сложно, но мы точно повторяем из А. В. Смирнова установку: «Такая преданность Я составляет второе из двух условий смыслополагающей деятельности, которую мы называем сознанием», где Я «дано мне до и вне какой-либо активности моего сознания» [26, с. 25, 22]. Он утверждает, что целостность сознания – это изменчивость как таковая, выраженная в сплаве Я и полотна красок (метафора текучести и самостоятельности мира). А пространство конституирует материальную субстанцию, время – действие [26, с. 42–43, 238].

В целом, правила познавательной игры заключаются в том, что условие «я» дано как постулат в форме объекта-субъекта. А содержание сознания, его деятельность выражаются в непрерывном изменении, а значит, в появлении все новых и новых характеристик. А далее в реальности остается творение-поиск форм выражения (и содержания) и в книге, и в познании, и в деле – в нашем случае в образовании. Таковы истоки-основы человеческого видения мира познания и мира практической деятельности.

Приведем из А. В. Смирнова еще ряд принципиальных мыслей: а) текущий, сырой материал ощущений (абсолютный, хотя и наш фон) превращается в наш мир в ходе работы нашего сознания; б) предметы не даны нам изначально, «возникают» как связность мира и смыслы

чего-то – итог деятельности сознания; в) а вещь, по сути, – всегда субъект-предикатный комплекс; г) путь вещи идет от «чистой» субъектности к краскам предикатов, например, тело падает, взаимодействует, ударяет... [26, с. 22, 26]. И далее автор как бы подводит итог: «Мы обнаруживаем мир, потому что обнаруживаем субъектность вне нас» через вещь, т. е. через задание некой границы... «Путь вещи... – творческий путь... Вещи могут полагаться по-разному, то есть не только субстанционально. Вещи могут полагаться процессуально» [26, с. 31, 47]. Отсюда для анализа представлений Г. Г. Шпета интересен вопрос: есть ли место истории как в данности Я, так и в данности полотна красок?.. Так появляются в образовании многочисленные задачи о значимости и сущности субъекта в познании, о границах применимости знаний всегда и во всем, о бесконечности бега познания.

Суждения о мышлении-методе

Вернемся к идеям А. В. Смирнова: предикация – способ нашего мышления (смысл-ения); мыслить, с-мыслить – рождать смыслы, т. е. встреча двух условий нашего сознания – данности Я и данности Фона ощущений. Понятно, что мы «не можем мыслить то, в чем нет фиксированности, схваченности; но точно так же мы не можем мыслить то, в чем нет текучести» [26, с. 20, 30, 21]. И так, «мы пока умеем мыслить только остановленное; только то, что возможно благодаря именам, а не глаголам; мы умеем мыслить субстанционально или процессуально, но мы не умеем мыслить, что инвариантно в отношении этих вариантов» [26, с. 69].

Мы понимаем рукотворность логики мышления, законы которой и невозможно нарушить именно потому, что это законы смыслополагания. Подчеркнем, что это *наша* рукотворность. Именно поэтому она и неразрывна от практики преобразовательной деятельности. Признаем, что два разных устройства предикации (субстанциональная и процессуальная), две логики мышления априорны. И только потом и формулируются законы мира и, конечно, истории. Отсюда, например, интересно помыслить проблемы различения реальности и описаний в этих разных парадигмах. Да, мы «получили» нормы мышления, неважно даже, от чего или от кого. А далее – только вперед в практику социальной жизни. Тут мы и столкнемся с проблематикой поисков Г. Г. Шпета.

Смысл как субстанция, которая живет в парадигме-пространстве категорий А. В. Смирнова: «Смысл понимается как чистая связность... как чистая целостность»; «связность мира и связность речи могут быть поняты из чистой связности... связность может быть только изначальной. Вот почему мы можем объяснить мир, исходя из анализа сознания, но не наоборот» [26, с. 68]. Получается, что смысл субстанциональности – в объяснении мира через многообразие качеств-субстанций, например, через вещество, поле... Смысл процессуальности – в объяснении мира через многообразие действий, например, через взаимодействие, универсум деятельности... Важно, что в последнем случае процесс получает независимый онтологический статус [22].

В итоге мы принимаем следующую логику: если мир – универсум деятельности и «полотно красок» – единственное, с чем имеет дело сознание, то картина мира – это полотно осмысленности, рамка, модель, психосемантическая парадигма (и другое) функционирования нашего сознания. По-видимому, неслучайно о движении в рамках какой-то картины мира говорят, как о восхождении по смыслам... Именно это ценно. Вот почему мы и пишем: может быть, несколько романтически смысл выражается-разверстывается в любви к Делу, Деятельности, Миру, а сознание-язык дает только форму [22]. Чтобы обеспечить «жизнь» смысла как субстанции, надо в культуре образовательной деятельности заложить логическое движение систем понятий в единстве идеального и реального (социального по Г. Г. Шпету) миров. И таким образом обеспечить трансляцию опыта поиска смыслов в обучении.

Духовная практика Г. П. Щедровицкого через тексты вот уже два десятилетия помогает нам искать смыслы в области образовательной деятельности [19; 21; 23; 38–41]. Выделим важные позиции по нашей теме.

– Смысл есть то, что понимается нами при прочтении текста; владение смыслом проявляется в умении выразить по-разному одну мысль, в понимании тождества разных высказываний; смысл – конструкт, т. е. он создается. Смысл появляется, создается субъектом при фиксации понимания в сложных системах коммуникации [38, с. 557, 560–561, 564].

– «Тексты никакого смысла не несут, в текстах нет такого элемента, как смысл...»; «... а второй индивид понимает этот текст (момент понимания текста или восстановление смысла по тексту здесь должен быть обязательно); я бы даже сказал, что второй индивид, понимая и

восстанавливая его смысл, одновременно выделяет и восстанавливает предмет мысли» (там же, с. 112); «понять текст – это значит восстановить какую-то сетку или систему связей между текстом и чем-то другим» [41, с. 745, 112, 113].

– «Смыслы – это то, что возникает при понимании текста...» И ранее: «Важная составляющая человеческого развития состоит как раз в том, чтобы производить как можно больше смыслов и как можно более разворачивающихся». Смыслы при понимании, по-видимому, задаются мировоззренческими нормами, нормами мышления, рефлексии, техники рассуждений. Смысл связан с речью и первичен, значение связано с языком и рождается в мышлении, т. е. вторично [41, с. 119, 116, 541].

– «Назначение сознания состоит в том, чтобы производить смыслы, и производить их довольно произвольно или свободно... Но сами по себе свободные, произвольно созданные смыслы не дают ни объективного содержания, ни истины. Поэтому они еще должны быть объективированы и проверены на истинность. Эта работа теснейшим образом связана с обобщением и интеграцией «мира». Объекты и объектное поле создаются и служат нам в качестве общего плацдарма человеческой деятельности. Они суть инварианты всех наших разнообразных смыслов» [41, с. 116].

В работах позднего В. П. Зинченко [1; 6; 29] проявляется страстный интерес к поискам смысла. В книге под его редакцией целая глава «Живые метафоры смысла» посвящена этому понятию [1]. И вообще нашлась целая книга, посвященная личности и творчеству Густава Шпета, которая оказала на нас большое впечатление [6]. И вот некоторые мысли-идеи.

Единственный способ бытия знания – в слове; «знание есть феномен именно словесный (языковой)». И далее: «Научная деятельность – это всегда работа внутри особым образом организованной языком реальности» и «методологическое исследование форм бытия знания всегда привязано к содержанию наличного знания и никоим образом не может абстрагироваться от него». В стиле научного мышления выражается «важнейшее методологическое измерение научно-познавательной деятельности – осознание ученым смыслового (семиотического) поля, в котором он работает» [1, с. 15, 18, 25]. Значит, смыслы «находят жизнь» в знаках.

Смысл – это не столько понятие, сколько концепт культуры. А смысл знания «задается внешними социокультурными целями и внешним социокультурным «порядком вещей»... Высказывание знака о чем-то и есть смысл знака. Не случайно и заключение Ю. М. Лотмана: диалог – основа всех смыслопорождающих процессов. И далее фиксируются представления о смысловом стержне, конструкте, барьере, фундаменте и др. [1, с. 30, 36, 37, 39, 50].

Смысл – медиатор, психологическое орудие (наряду со знаком, словом, символом), которое играет ключевые роли при переходе от реальной формы в идеальную и обратно. При понимании и усвоении знаний происходит перевод знаково-символических значений на язык смыслов, т. е. осмысление значений; при трансляции опыта – означение смысла. В итоге эти сложные переходы дают вероятности понимания, некую свободу в понимании, мышлении, творчестве [1, с. 62–63, 192, 194]. (Смотрите варианты описания в работах В. В. Налимова [17].)

Человек построен с активным устремлением в будущее; «живое движение» играет большую роль в формировании «функциональных органов», в решении задач, имеющих «смысл для живого существа». И смыслы жизни – в ее воспроизводстве. Так, например, глаз человека не просто отражает, а активно «рыскает», сканирует реальность. В. П. Зинченко заключает: «Избыточное число степеней свободы образа мира по отношению к оригиналу представляет собой необходимое условие однозначного отражения действительности» [1, с. 77–78, 139 и др.]. И значит, прямое упрощение систем обучения принципиально обедняет человека.

Еще из книги В. П. Зинченко, который с любовью выделяет мысли Густава Шпета [6]:

– «Предметы – возможности, их бытие идеально»; «... предмет может быть реализован, пополнен содержанием, овеществлен, и через слово же ему будет сообщен также смысл. Он и есть формальное образующее начало этого смысла» [6, с. 33].

– «Значение же и смысл, в конце концов, оказываются чем-то “мешающим” логике, затемняющим ее формальную чистоту». И далее уже сам В. П. Зинченко заключает: «Живое движение значений и смыслов во внутренней форме слова – это прозрение Шпета, мимо которого прошла психология, лингвистика и семиотика» [6, с. 48].

– Г. Г. Шпет писал: «Напротив, логические формы воспитаны и действуют только при наличии особой санкции – смысловой». Будучи превосходным педагогом и философом,

Г. Г. Шпет замечал: «В философии учитель обучает ученика не новым словам, а отчетливому постижению собственных мыслей» [6, с. 56, 57]. И далее: предмет есть объект и субъект вместе; а чтобы извлечь смысл, надо образы перевести в понятия [6, с. 52, 65].

– В. П. Зинченко по идеям Густава Шпета делает вывод о том, что смысловая сторона дела «очень слабо учитывается в теории и практике так называемого целеполагания». А «достижение цели, лишенной смысла, требует не усилия, а насилия». И далее: «Живое знание отличается от первого тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено» [6, с. 57, 70].

Существенной для определения рамки функций смысла является герменевтика. Следуя М. Е. Соболевой [27], ее анализу работ классиков (И. Кант, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, М. М. Бахтин, Ж. Деррида, Г. Фреге и др.), выделим ряд важных позиций. Герменевтика как философия понимания «становится “органом” гуманитарных наук, сущность деятельности которых состоит в придании смысла изучаемым культурно-историческим феноменам и в понимании их смысла» [27, с. 6]. И, значит, для любой методики важно, в частности, выяснение смысла уравнений (знаковых выражений) законов как культурных феноменов, как описаний чего-либо. Только тогда выяснение смысла теоретических построений продуктивно.

М. Е. Соболева пишет: «Сущность герменевтического понимания заключается в передаче смысла устного или письменного текста, причем экспликация смысла – это всегда одновременно его интерпретация» [27, с. 40]. Важно, что смысловой потенциал текста зависит от многих условий, в том числе его авторитета (автора, тематики, предназначения и др.).

Понимание смысла – это всегда понимание того, о чем идет речь, – предмета. В процессе понимания происходит превращение знаков в речь и смысл; слышать же текст означает проникать в его смысл, понимать его. Важно, что система знаков становится текстом, если у нее появляется субъект-интерпретатор. Итак, «понимание нацелено не на текст сам по себе, а на открываемый благодаря тексту мир смысла»; а «смысл интерпретации заключается не просто в понимании текста, но и в том, использовать понятое для преобразования действительности» [27, с. 32, 20, 38, 39].

Смысл конституируется в процессе «взаимодействия различных точек зрения и различных субъективных горизонтов» [27, с. 31]. Анализируя работу Жака Деррида, М. Соболева определяет важную для нас мысль: «Поэтому “различение” можно охарактеризовать как механизм, благодаря которому происходит движение смысла» [27, с. 43]. Неслучайно во многих работах последнего десятилетия мы обращаемся к различению явления и понятия о явлении, объектов и их моделей, реальности и описаний и т. д. [16; 18–25; 28; 32].

Опираясь на работу Г. Фреге «Значение и смысл», М. Е. Соболева обобщенно выражает: автор «предложил отличать значение знака от его смысла. Под значением знака он понимает чувственно воспринимаемый предмет или так называемое “обозначаемое”. Смысл знака – это способ данности предмета или то, как мы устанавливаем отношение к предмету, как мы о нем думаем... Значением предложения является его истинность или ложность, а смыслом – выражаемая в нем мысль» [27, с. 54].

Следуя Л. Витгенштейну, М. Е. Соболева утверждает: «Если предложение истинно, тем самым однозначно определен его смысл, а потому интерпретация – в строгом смысле этого слова – не нужна»; а «понимать предложение – значит знать условия, при которых оно истинно» [27, с. 26, 27]. Немаловажно, что одинаковый статус для понимания имеют и язык, и реальность.

Что же остается в «сухом остатке», т. е. что выделяется при анализе и что может быть ориентировкой для поиска, понимания и использования смыслов? Обобщим сказанное в виде схем-моделей (рис. 1–3). В них нам важно зафиксировать деятельность по поиску (извлечению) смысла, т. е. некие познавательные процессы-инструменты.

Кратко расшифруем модели, которые дополняют друг друга. Схема 1: акт понимания – это акт субъекта, воспринимающего текст; но это акт объективный акт понимания, опора которого – в онтологии; важно и то, что производство смыслов при понимании – это только при необходимости крайний случай творчества; во всех остальных случаях (техниках) понимания используются смыслы.

Схема 2: процесс челночной деятельности субъекта при понимании текста в коммуникации; время восприятия текста и время (полнота) обращения к нормам культуры – важные аспекты процесса производства или воспроизводства смысла; при этом сам субъект меняется, что можно интерпретировать как развитие.

Схема 3: в коммуникации при передаче текста в процесс смыслообразования включен только принимающий текст; и получаемый или создаваемый смысл меняет текст и самого субъекта.

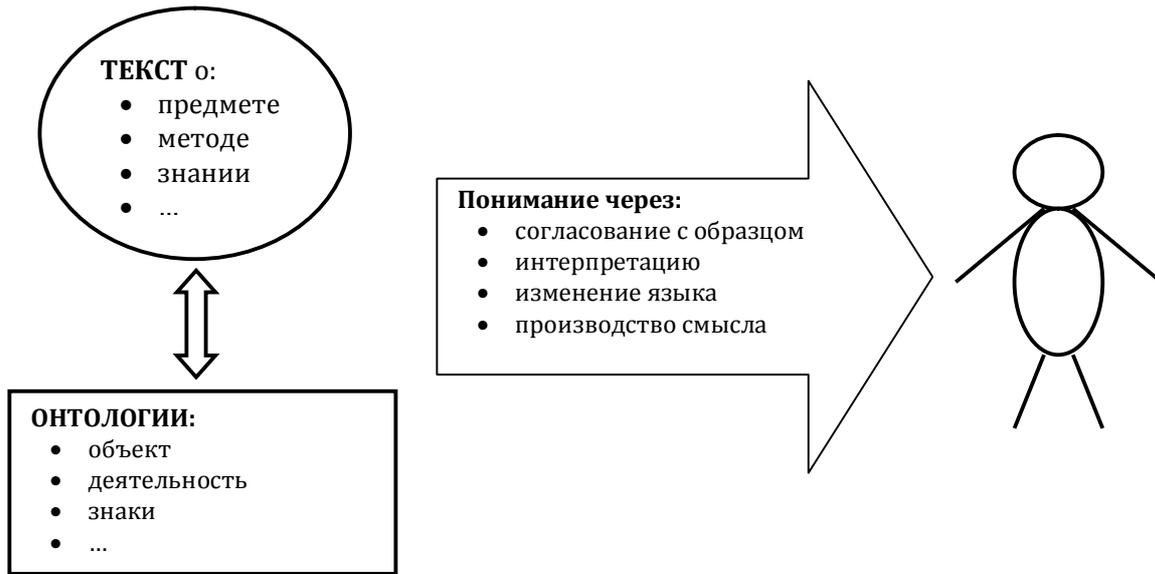

Рис. 1. Акт образования смысла при понимании

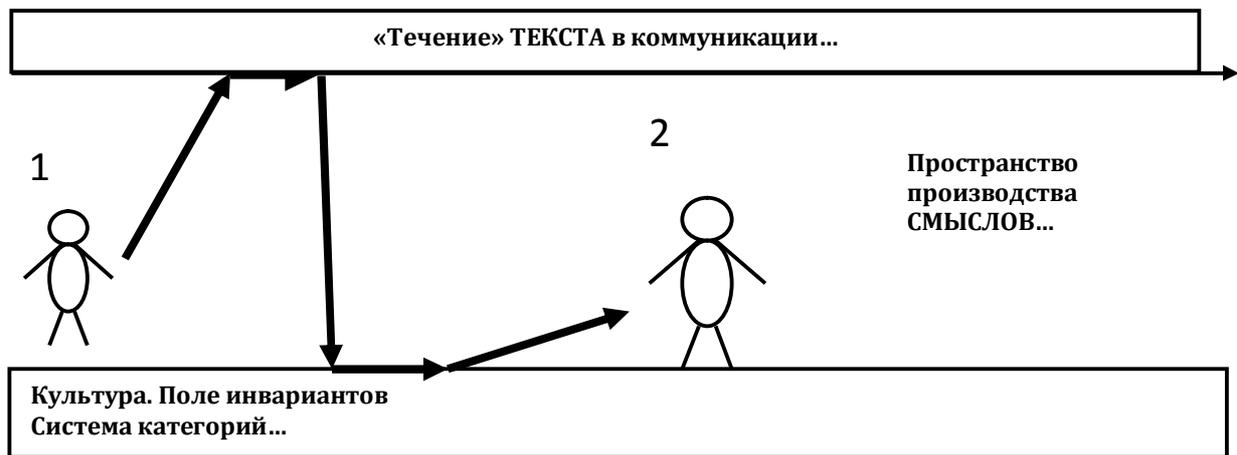

Рис. 2. Акт процесса изменения субъекта при создании смыслов...

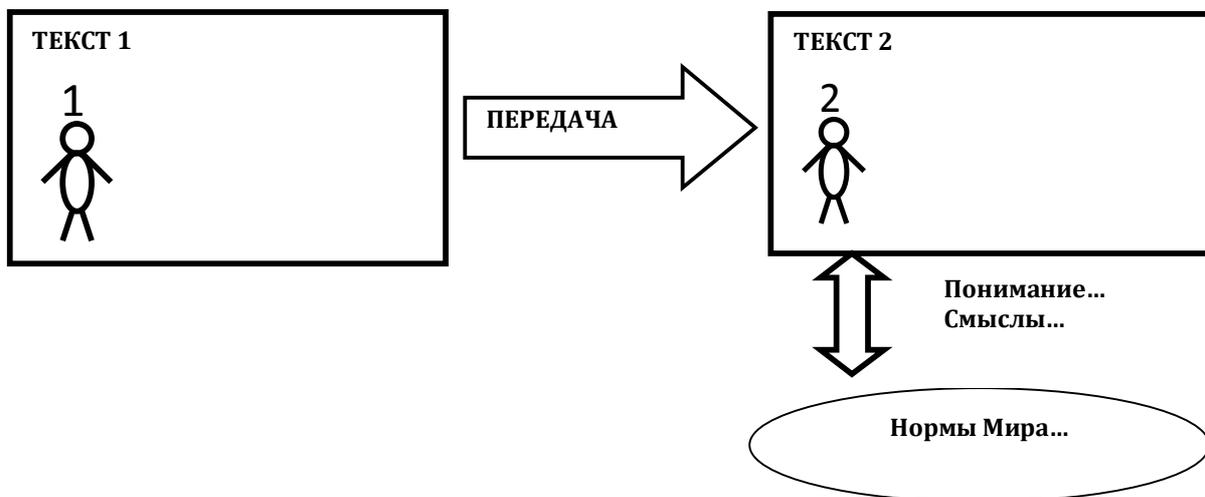

Рис. 3. Место смыслов в коммуникации

Получение эмпирического материала для обобщения представлений

Г. Г. Шпета о смыслах

Не забудем, что наша цель в доказательстве гипотезы об истоках фундаментальных представлений о смысле и смыслообразовании в творчестве Густава Шпета. Для этого сетку современных представлений мы накладываем на тексты столетней давности [3; 6; 30; 33–37]. Но для начала несколько мыслей Г. Г. Шпета о методологии смысла. Мы опираемся здесь в основном на блестящее по содержанию заключение второй части книги «История как проблема логики» [37]. Вот что мы выделяем.

– «Понимать понятие – значит проникнуть к тому смыслу, по поводу которого оно образовано... Как принимаемое понятие достаточно для замещения в познании самой вещи, как понимаемое – для замещения ее смысла» [37, с. 565].

«Тот факт (? – вопрос наш), что понятие не само по себе заключает в себе смысл, а образовано по поводу уже данного (? – вопрос наш) смысла...; но абстрактные предметы, абстрактное само по себе, не заключает в себе смысла... Словом, абстрактные понятия входят как средства в систему нашего действия и через него это приобретает в наших глазах смысл, но это не есть смысл, присущий им как “знакам” абстрактных предметов» [37, с. 566].

– «... и в чисто формальном определении понятия должно быть какое-нибудь указание на смысл... Усмотрение смысла есть установление отношения средства – цель, следовательно, речь идет о роли данного в интуиции по отношению к некоторому “целому” – это и есть формальное определение смысла: роль части по отношению к целому, где усматривается внутренняя зависимость» [37, с. 567].

– «Роль понимания состоит, между прочим, в систематическом индивидуализировании понимаемого – это требование внутренне присуще всякому смыслу и восхождению по целям» [37, с. 571].

– Г. Г. Шпет ясно указывает на то, что решение вопроса о смысле воспринимаемого требует двойного подхода: «феноменологического и структуралистского» [37, с. 164].

Анализ текстов и контекстов Густава Шпета

Очевидно, что в статье тексты только средство для обобщений. Ясно также, что и всего нам не объять. Поэтому обратимся к тому, что нам удалось увидеть.

О мотивах Г. Г. Шпета для рассмотрения смыслов

Густав Шпет предложил нам свою концепцию понимания. Она стоит в ряду концепций В. Дильтея и М. Хайдеггера. Рассмотрим эти идеи в основных чертах. Густав Шпет много страниц посвятил анализу философии В. Дильтея в своей докторской диссертации [34; 36; 37]. Но он отмечает, что работа самого Дильтея, к сожалению, осталась незавершенной [34, с. 836], хотя дильтеевская программа была отчасти реализована М. Хайдеггером в его феноменолого-герменевтической концепции. Но и концепция Г. Г. Шпета, по нашему мнению, исходит из В. Дильтея. Но в чем же оригинальность концепции нашего философа?

Эта оригинальность видна уже в названии работы «История как проблема логики». История выводится Г. Г. Шпетом как проблемное поле для понимания, отличного от интерпретации, принятой герменевтикой. Понимание – это сфера раскрытия смыслов. Как же связаны между собой смысл и значение? Дело в том, что смысл может передаваться как некий социальный (интеллигибельный) опыт интуиции, почва для которого вырастает в историческом контексте, что на языке Х.-Г. Гадамера называется традицией.

Исторический контекст для Г. Г. Шпета является логической проблемой, то есть проблемой рационального (чистого) знания. Недаром он критикует всех представителей (от Дж. Локка и Дж. Милля до В. Вундта и Г. Риккерта) за психологизм, который не умещается в рамки феноменологического метода, ведущего начало от формальной логики, хотя сама концепция Э. Гуссерля была задумана им как дескриптивная. То есть описательная психология. Но, с другой стороны, описательную психологию (феноменологию) можно построить на рациональных основаниях, что и являлось задачей Э. Гуссерля. В этом смысле Г. Г. Шпет следует за Э. Гуссерлем. Так он пишет работу «Явление и смысл», в которой разграничивает феномен и его смыслы, и это уже своеобразный задел для будущей герменевтики философа. Смыслы если и возникают интуитивно, то все равно проходят этап означивания, называния вещи (такой этап есть и у М. Хайдеггера (см. М. Е. Соболеву [27, с. 88–89])). Слово требует своей интерпретации, зависящей от исторического контекста.

Психология, говорит Г. Г. Шпет, согласно В. Дильтею, должна исходить из реального жизненного процесса. Далее Г. Г. Шпет делает вывод о том, что Дж. Миллю и В. Дильтею от-

крывается «свободный путь для самостоятельной структуры исследования» логического строения наук о духе. Исторической науке, по мнению Г. Г. Шпета, недоставало связи с анализом фактов сознания, то есть, другими словами, философского основания. Это основание и стали искать Милль, а затем и В. Дильтей, обратившийся к истории, к понятию «жизненного мира», ключевым моментом которого выступают и четыре исторических типа мировоззрения: мифологическое, философское, религиозное и научное. В итоге мы имеем дело с четырьмя типами сознания. А сознание и есть дело философии, путь философии. Изучая исторические типы сознания, исследователь может выделить понятийный контекст, а из него понять и смысл феноменов. Так, например, религиозное сознание, по словам В. Дильтея, имеет в виду общение с невидимым [34, с. 838, 839, 837, 83].

Умея находить смыслы и значения понятий в контексте истории, философ может пользоваться описательным методом, в отличие от метода «объясняющей психологии», основанном на переносе методов и понятий естествознания на гуманитарные науки [34, с. 839]. Метод описания базируется на раскрытии содержания понятий, но не в пропозициональной установке (высказывании), а в контексте исторического жизненного мира как процесса. Но что же это означает? Всякое слово-понятие в контексте истории меняет свое значение, и если деятельность людей меняется, то меняются и вместе с ней понятия, то есть их значения. Деятельно-практическую концепцию языка/речи предлагает нам Л. Витгенштейн [2], для которого значение как таковое выражает практическую составляющую [8, с. 32].

Понятие, понимание, речь, смыслы

В кругу данных проблем концепция Г. Г. Шпета выглядит остросовременной. Почему? Отыскав рациональное зерно в истории, Г. Г. Шпет объявляет герменевтику логической проблемой, то есть проблемой исторической, социальной. Герменевтика оказывается проблемой особого рода исторического мышления, традиции. Но как научиться исторически мыслить, то есть как построить духовный мир наук о духе, «выяснить построение духовного мира по отдельным областям», в результате которого вырастет методология, *учение о методе*? Возможно ли учение о методе на основе метафизики, то есть философии? Эти задачи Г. Г. Шпет ставит и решает.

Именно в феноменологическом описании философ видит решение проблемы объективного познания. Через интуитивное понимание предмета, через «схватывание» (описание, обозначение) понятия мы постигаем всеобщую связь явлений, или, по-другому, объективно их познаем. Вот как об этом пишет Г. Г. Шпет: «Основной задачей здесь является показать, что возможно некоторое «основное» знание, лежащее в основании всякого объективного познания, мало того, делающее последнее вообще возможным. Это знание не является логическим в том смысле, что в нем не устанавливается логических отношений, то есть это знание не пользуется *дискурсивными* понятиями как таковыми, оно движется, следовательно, в сфере интуиции» [34, с. 847]. Когда мы что-то видим, воспринимаем, раздражаем, нам показывают и т. д. – одним словом, *говорим прозой*, это и есть *чистое описание*.

В основе теоретического знания лежит первичное, дескриптивное, описательное знание. Очень трудно, говорит Г. Г. Шпет, представить знание до всякой теории, на уровне факта. Например: «любой физический закон можно рассматривать <не> как логическое, теоретическое отношение, а простое констатирование факта, что чернильница стоит *передо* мною, *на* столе, *за* бумагой и т. д., суть интуитивные отношения. Но простым *называнием*, однако, не ограничивается описание, оно также требует понимания, то есть указания значения называний, входящих в написание, их смысла и цели, – описание необходимо связано с интерпретацией» [34, с. 847–848].

Смыслы в контексте социального мышления

Густав Шпет ясно видит здесь ряд проблем. Во-первых, неясно, как от дескриптивного (описательного) мышления перейти к дискурсивному (теоретическому) мышлению. Слово, по мнению Г. Г. Шпета, может нести не только логическое значение, но и быть метафорой, метонимией, тропом, образом. Во-вторых, на онтологическом описании сущностей (содержания) может быть построена не научная, а метафизическая теория. Логика, по мысли Г. Г. Шпета, должна рассматривать понятия в качестве орудия достижения определенных целей в практической (социальной) деятельности. В-третьих, В. Дильтей отождествляет логику и теорию познания. С другой стороны, говорит Г. Г. Шпет, В. Дильтей вводит понятие новой психологии – феноменологической, и в этом его несомненная заслуга [34, с. 852, 853, 854, 857]. Психологическое описание у него становится «чистым», феноменологическим, онтоло-

гическим, предметным описанием. В-четвертых, у В. Дильтея не видна разница между теорией познания и психологией. Следовательно, нет разницы между самой психологией и логикой. Поэтому, констатирует Г. Г. Шпет, сама теория познания у В. Дильтея в качестве основной науки терпит крах. Далее он показывает несостоятельность теории познания в качестве центральной методологии научного исследования.

Теория познания была для Г. Г. Шпета отрицательной философией (метафизикой), в которой логика не была связана с предметом. В этом смысле можно говорить о кантовской философии как процессе рассудочной активности. Позитивная философия (онтология) должна найти эту утерянную связь с реальностью. По мысли Густава Шпета, описательная психология, как ее задумал В. Дильтей, не могла заменить позитивное онтологическое основание философии, так как она основывалась на отрицательной теории познания. Нужно вернуть философию в лоно онтологии, обернуться «назад, к вещам».

Однако, если мы в концепцию В. Дильтея включим понятие социального, как это делает Густав Шпет, то от этого она приобретет новое и современное звучание. В этом случае при замене слова «психологический» на понятие социального у В. Дильтея появляется онтологическое основание для его системы. Переживания, таким образом, становятся не психологическими, а социальными. А в итоге теряют индивидуальную, субъективную окраску, а понятие социального приближает нас к объективному, всеобщему знанию, но не через социальные законы (даже хотя бы и через них, как об этом говорит К. Момджян [15, с. 85]), а через понятие коллективного (социального) переживания, которое становится у Г. Г. Шпета предметом общей психологии, или этнологии. (В дальнейшем формируется структурализм, делающий своим предметом социальную антропологию – этнографию.) Коллективные переживания становятся предметом гуманитарных наук (истории, социологии, литературоведения и т. д.), и это иной путь, отличный от естественнонаучного познания, идущего через постижение (объяснение) законов.

Коллективная ментальность становится предметом изучения школы «Анналов» и представляет собой альтернативу позитивистскому взгляду на исследование социальных явлений, идущему от понятия цикличности, закономерности, повторяемости социальных феноменов как таковых, поскольку такой подход выявляет социальные (социологические) или исторические законы и закономерности. Проблематика Г. Г. Шпета уходит своими корнями в феноменологию, и на этой почве его исследовательское поле перекрещивается с пониманием В. Дильтея. Говоря о понимании, Дильтей имеет в виду «вживание» в психологические (социальные, коллективные) переживания людей по типу их исторических мировоззрений (философское, религиозное, мифологическое, научное). Термин «вживание» не проясняется философом, а потому дает Г. Г. Шпету повод для критики В. Дильтея на предмет психологического. «Вживание», с точки зрения Г. Г. Шпета, может быть только психологически оформлено. С другой стороны, по нашему мнению, «вживание» можно понимать как раз феноменологически – как феноменологическое описание психических явлений, выраженное в языковом дискурсе. Феноменолого-герменевтический метод дает философу основание для внедрения современных приемов в методологию познания. В концепции В. Дильтея Г. Г. Шпет заменяет понятие психологического на понятие социального, превращая «отрицательную» теорию познания в «положительную» онтологию. Переживание становится не психологическим, а социальным, и, таким образом, приближает нас к объективному познанию через понятие коллективного переживания. И это иной путь, нежели путь естествознания с его объективными законами.

Таким образом, можно сказать, что шпетовская герменевтика (логика истории) плавно вытекает из анализа дильтеевской концепции понимания, и подход Г. Г. Шпета объясняет значение и смысл явлений путем контекста, а не предикации (не на основе смысла отдельных высказываний, а в них – смысла отдельных слов, понятий). Контекстом у Г. Г. Шпета и М. Хайдеггера выступает история; недаром М. Хайдеггер говорит об экзистенциальной конечности (историчности) Dasein, а Г. Г. Шпет выводит свою герменевтику в качестве рационально понятой истории. Смыслы этой истории задаются самой жизненной практикой (социальным), а понимание здесь происходит методом социальной (интеллектуальной) интуиции, предполагающей не столько «схватывание» предмета в понятии, сколько процесс придания смысла (значения) предмету в практическом освоении социальной реальности, что в принципе напоминает нам концепцию М. Хайдеггера.

Вывод: методом Шпета-Хайдеггера можно постигать онтическое, то есть сущность онтологического, бытийственного, сущность социального явления как такового.

Смысл зависит от конструирования предмета

Г. Г. Шпет отмечает, что В. Дильтей решает основную проблему истории как теоретической науки, в зависимости от своего понимания природы ее объектов и задач.

Что касается смысла истории, культуры, права, знания вообще, то здесь возникает вопрос о методе, который конструируется в зависимости от предмета науки, то есть смысл зависит от предмета познания.

Объекты социальных наук Г. Г. Шпет устанавливает как специфические, которые в силу этого нуждаются в историко-научных фактах, которые суть социальные явления как таковые, требующие специального научного объяснения. Понимание нам не дает научного объяснения. Всякое научное объяснение объективно, а потому нуждается в объективной форме, то есть логической, в силу этого обстоятельства история и оказывается проблемой (то есть предметом) логики, то есть рационального, дискурсивного объяснения. Для В. Дильтея история описывает единичное, и поэтому самым «идеальным» моментом для нее, по В. Дильтею, является биография, но, как говорит Г. Г. Шпет, в истории все взаимосвязано и логика должна найти формы и методы для решения задачи объяснения этой взаимосвязи объектов, «показать, на чем покоится это единство» [34, с. 903, 904, 907]. Это единство, как мы увидим далее, нужно усматривать не в творческой связи, носителем которой является индивидуальность, а в реальной связи действительных объектов – фактах, то, что мы называем словом «причинность», не творческая, а реальная связь объектов друг с другом. В логике это будет усматриваться в виде причинной связи «содержаний» между собой.

В постижении истории Г. Г. Шпет хотел освободиться от предвзятых понятий типа «человек», «человеческое», «человеческое поведение», которые издавна считались предметом исторического рассмотрения. Он писал: «Для философа с понятием “социального” связывается масса вопросов, имеющих решающее значение для всех его суждений, связанных, так или иначе, с этим понятием, что есть социальное, в каком значении выступает это понятие в науке, имеет ли оно смысл и в чем оно состоит как возможно социальное, какова его природа... как возможная наука истории» [34, с. 1012]. В итоге цель Г. Г. Шпета – дать научную методологию истории.

Понятие и смыслы. Смысл как восхождение по целям

Густав Шпет всю воспринимающую деятельность сознания относит к феноменологической, или интуитивной деятельности. Интеллектуальная деятельность может обогатить наше восприятие и привнести знание извне, помимо непосредственных данных восприятия. Г. Г. Шпет говорит, что сущность понятия состоит в его значении, а значение понятия есть то, что в нем соответствует «вещам», объектам, предметам. Поэтому понятие дается нам вместе с нашей интуицией (в том значении, которое мы выбираем в данный конкретный момент), поэтому мы его сами и формируем, конструируем; оно «создается» нами. Но как мы приходим к самому значению понятий? Для логики содержания, то есть методологии, поясняет Г. Г. Шпет, этот вопрос сохраняет свою остроту, но поставить его нужно несколько иначе [34, с. 1014, 1016, 1017].

Итак, понятие существует рядом с интуицией, но не в ней [34, с. 1018]. Эта связь интуиции и понятия лучше всего прослеживается на понятии «социального». Здесь Г. Г. Шпет входит в феноменологическую область и исследует при помощи феноменологического метода понятие «социального». Но принципиально важна следующая мысль Г. Г. Шпета: «Понимать понятие – значит проникнуть к тому смыслу, по поводу которого оно образовано». Понятие всегда направлено на общее, тогда как интеллектуальная интуиция всегда направлена на индивидуальное, единичное, конкретное. *Смысл* мы привносим сами, и в этом чувствуется какое-то противоречие. Это противоречие несколько снимается, если мы говорим о различных степенях понимания. «Роль понимания, между прочим, – говорит Г. Г. Шпет, – в систематическом индивидуализировании понимаемого, это требование внутренне присуще всякому смыслу и восхождению по целям» [34, с. 1028, 1034].

История и смыслы

Вскоре философ покидает почву феноменологии и вступает в область логики. Логическое рассмотрение, по мысли Г. Г. Шпета, начинается с «образования» понятия, которое своим значением и призвано «заменить» предмет в дальнейшем объективном исследовании. Поскольку оно соотнобразится с деятельностью, данной непосредственно (так как образуется вместе с интуицией, то есть коррелятивно), оно является «годным для нас средством познания». В противоположность интуиции понятие всегда определено, в чем и состоит его теоретич-

ность [34, с. 1048, 1049, 1052]. Напомним, что М. Мамардашвили постоянно повторял: выраженное в слове (высказывании) приобретает всеобщий, объективный характер, тогда как чувства нельзя выразить, передать другому, хотя есть различные средства выразительности, например, музыка, живопись, но в них больше индивидуального [14, с. 609–610].

На примере истории Г. Г. Шпет показывает, что определить специфические исторические понятия означает применить описательный метод в истории. Помимо простого описания событий, фактов, этот метод хорош и тогда, когда мы уподобляем историю биологическому развитию. Тем не менее это всего лишь аналогия. Не будем вдаваться в многочисленные подробности, приводящие к различению исторической и творческой («порождающей») причинности. Г. Г. Шпет говорит о том, что историческая причинность является социальной причинностью и проводит различие между социальной и исторической причинностью по линии целей. Критикуя экономический материализм, он утверждает, что «производительные силы» как причина истории – всего лишь механическая причина, а не порождающая, не социальная причина, превращающая его в «технический» материализм. Г. Г. Шпет признает специфический характер исторической причинности как причинности социальной, предполагающей «рост» организации, распределение деятельности, создание новой организации. Исторический процесс есть не что иное, как «развертывание распределяющей исторической причины, «рост» организации, разворачивание новой организующей деятельности на почве общей цели «совместной деятельности». Усмотрение общей целевой программы позволяет понять исторический факт, изложение осуществляемой деятельности позволяет понять, что же в действительности было [34, с. 1080, 1115, 1121, 1123, 1124–1126].

Выделение цели в итоге дает познавательное средство к отысканию объясняющей причины. А далее нужно отыскать методологический принцип, благодаря которому можно дать объяснение истории в целом как процессу создания, развития и изменения социальной организации. Г. Г. Шпет находит этот принцип. Он заключается в применении понятия «средней» формы при объяснении исторической причинности. Это можно понимать в двояком смысле: как вместо индукции (обобщения, логической вероятности) обратиться к статистической вероятности, а также к некоторой типизации, в которой берется «конкретная» историческая причинность, не подвергаясь абстракции, берется в особом регулятивном значении «типичного» или «типического». Пример «такого своеобразного способа образования понятий и пользования ими представляет частный случай сравнительного метода вообще – метод “статистический”» [34, с. 1126, 1130]. В теории это дает развертывание представлений, а значит – понимание, смыслы.

Само понятие «типического» ставит нас перед проблемой типического образа: «историк, изучающий революционное время в России, – пишет Г. Г. Шпет, – может прибегнуть к построению типа революции на образце Великой французской революции, не имея в виду никаких систематических целей. Мы к этому еще добавим, что с таким же логическим успехом историк может создать себе типическое построение из изучения германской революции [19]48 г. или первой английской революции, или еще что». Это дает нам принцип перехода от одного исторического положения к другому, через «мост систематического “типизирования”», а следовательно, показывает связь между фактическим и логическим [34, с. 1131].

Аналогия в описательном процессе вполне может выступать таким историческим методом, который ищет подобного в различном. Но подобия – это не тождества, а смысл, как пишет А. В. Смирнов, – это «различенность, сворачивающаяся в тождество и разворачивающаяся в тождество» [26, с. 78]. Таким образом, аналогия не может породить смысл, а призвана только описать явление, в то время как смысл граничит с пониманием и объяснением этого явления. *В истории понимание из целей дает нам социальная причинность; таким образом, смысл, значение любого исторического события нужно искать, исходя из целеполагающей причины той или иной человеческой организации, социальной группы, с деятельности слоя или класса. В естественнонаучном познании смысл стоит на пороге объяснения физического или биологического закона, который служит целям объяснения, и вытекающего из этого понимания закономерности естественнонаучных явлений.* Здесь причина связана необходимостью этих явлений, их общей фактической связью (причинностью), а не корреляцией фактического и логического, как это имеет место в историческом познании.

Обобщим найденное и сказанное

Представленная выше работа с текстами показывает, как трудно вычленяются в истории познания (в творчестве Г. Шпета) и выражаются в технологии транслирования идеи о смысле. Густав Густавович Шпет исторически оказался в содержательном познавательном

мейнстриме поиска смыслов и внес свой вклад в непрерывность этих поисков от В. Дильтея до Г. П. Щедровицкого, В. П. Зинченко, А. В. Смирнова... Сейчас наша конкретная задача – создать образовательные условия идти дальше, в частности в трансляции смыслов. Нам все настойчивее нужны смыслы как инструмент понимания и познания.

В «сухом остатке» выделим главное для технологически удобного транслирования идей Г. Г. Шпета в нашей образовательной практике.

Схема 4: смысл сам по себе не рождается, но может быть потенциально и существует в слове, он требует усилий по согласованному между целями и социальной реальностью извлечению смысла.

Схема 5: по-видимому, существует иерархия смыслов, извлечение которых – всегда восхождение по целям...

Рис. 4. Логика извлечения смысла

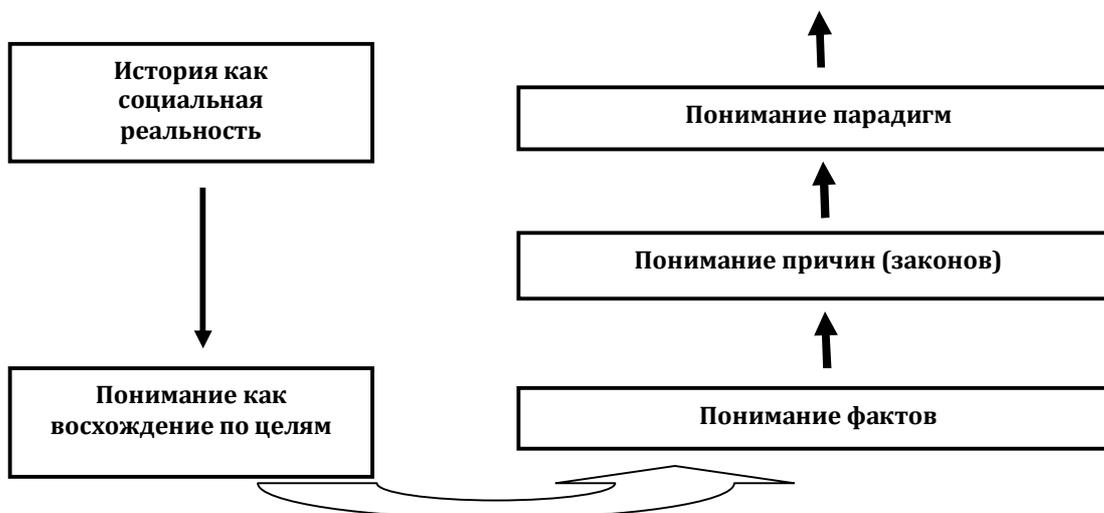

Рис. 5. История познания как восхождение по смыслам

Заключение

Итак, представления Густава Густавовича Шпета в состоянии расшевелить и расширить область знаний о смыслах, привлечь к ней внимание, настроиться на поиски смыслов. Образовательные функции смыслов способствуют в деятельности образованию новой реальности. Жаль, как писал В. П. Зинченко [6, с. 76], что авторы второй половины XX века практически не ссылались на достижения Густава Шпета. И таким образом закрывали их трансляцию. А там есть фундаментальные мысли о смыслах...

Проецируя концепцию Г. Г. Шпета на современную социологию познания, можно сказать и о том, что разграничение философом смысла и значения позволяет продвинуться в понимании смысла, исходя из целеполагающей деятельности (энтелехии) различных коллективов и их организаций. Деятельность, какой бы она ни была, всегда есть смыслопорождающая. Смысл здесь выступает некоей преобразующей функцией. Смысл, по словам М. Мамардашви-

ли, направляет нашу жизнь, выступая в ней неким мотиватором, символом, образом, концентрирующим любую нашу деятельность, придавая ей ощущение цельности, единства нашей, в том числе и психической составляющей сознания.

Категория смысла, по нашему мнению, является важным инструментом познания образовательной реальности. Более того, смысл формирует образовательную реальность, т. е. является онтологической категорией. Остается настроить этот инструмент. Густав Шпет в форме острой и чистой мысли текстов смог задать перспективную проблематику смысла в познавательной деятельности. И мы нашу задачу видим в том, чтобы не потерять ее.

Что же осталось «за горизонтом»? Вот для поисков только два вопроса. Во-первых, каков познавательный статус смыслов: это онтология, метод или знание? Во-вторых, где же границы применимости смыслов?

Список литературы

1. *Василюк Ф. Е., Зинченко В. П., Мещеряков Б. Г. и др.* Методология психологии: проблемы и перспективы / общ. ред. В. П. Зинченко, науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 528 с.
2. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М. : Канон+, 2014. 288 с.
3. Густав Шпет и его философское наследие: у истоков семиотики и структурализма: коллективная монография / науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 527 с.
4. *Делез Ж.* Логика смысла. М. : Академический проект, 2015. 472 с.
5. *Дильтей В.* Сущность философии. М. : Интрада, 2001. 159 с.
6. *Зинченко В. П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М. : Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
7. *Ильенков Э. В.* Философия и культура. М. : Изд-во Московского психолого-социального института, 2010. 808 с.
8. *Козлова М. С.* Людвиг Витгенштейн // Философы XX века. М., 1999. С. 19–39.
9. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
10. *Мамардашвили М. К.* Стрела познания (набросок естественнонаучной гносеологии). М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 304 с.
11. *Мамардашвили М.* Мой опыт нетипичен. СПб. : Азбука, 2000. 400 с.
12. *Мамардашвили М.* Кантианские вариации. М. : Аграф, 2000. 312 с.
13. *Мамардашвили М.* Эстетика мышления. М. : Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
14. *Мамардашвили М. К.* Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М. : АСТ, 2016. 968 с.
15. *Момджян К. Х.* Роль сознания в деятельности людей – об актуальности старого спора // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 76–88.
16. *Мултановский В. В.* Физические взаимодействия и картина мира в школьном курсе. М. : Просвещение, 1977. 168 с.
17. *Налимов В. В.* В поисках смыслов. СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
18. Наука и социальная картина мира: к 80-летию академика В. С. Степина / под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. М. : Альфа-М, 2014. 768 с.
19. *Разумовский В. Г., Сауров Ю. А.* Научный метод познания в школьном образовании как высочайшая духовная ценность // Научные основы развития образования в XXI веке. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2011. С. 292–296.
20. *Салмина Н. Г.* Виды и функции материализации в обучении: монография. М. : Изд-во МГУ, 1981. 136 с.
21. *Сауров Ю. А.* Программа формирования методологической культуры субъектов образования // Образование и саморазвитие. 2009. № 1. С. 3–11.
22. *Сауров Ю. А.* Интеллектуальные вариации о смысле... // Вестник ВятГГУ. 2016. № 7. С. 95–97.
23. *Сауров Ю. А.* Методика обучения физике: поиски смыслов – люди и идеи... // Вопросы науковедения: монография. Киров : Кировская областная типография, 2017. 356 с.
24. *Сауров Ю. А.* Вопросы методологии и содержание физического смысла в обучении // Учебная физика. 2018. № 2. С. 47–63.
25. *Сауров Ю. А., Низовских Н. А.* Проблемы современного познания человека в мире // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 159–161.
26. *Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М. : Языки славянской культуры, 2015. 712 с.
27. *Соболева М. Е.* Философская герменевтика: понятия и позиции. М. : Академический Проект; Гаудеамус, 2014. 151 с.

28. Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
29. Стилль мышления: Проблема исторического единства научного знания: к 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под общ ред. Т. Г. Щедриной. М. : Российская политическая энциклопедия, 2011. 640 с.
30. Счастливцева Е. А. Анализ феноменологии Густава Шпета : монография. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. 271 с.
31. Фейерабенд П. Прощай, разум. М. : АСТ: Астрель, 2010. 477 с.
32. Человек в мире знания: к 80-летию Владислава Александровича Лекторского / отв. ред.-сост. Н. С. Автономова, Б. И. Пружинин; науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2012. 623 с.
33. Шпет Г. Г. Сочинения. М. : Правда, 1989. 603 с.
34. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. М. : Памятники исторической мысли, 2002. 1168 с.
35. Шпет Г. Г. Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры / сост., науч. ред. Т. Г. Щедрина. М. : Российская политическая энциклопедия, 2010. 487 с.
36. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть первая. Материалы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014. 510 с.
37. Шпет Г. Г. История как проблема логики: Критические и методологические исследования. Часть вторая. Архивные материалы / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. ; СПб. : Университетская книга, 2016. 728 с.
38. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. 800 с.
39. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. М. : Школа культурной политики, 1997. 656 с.
40. Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. М. : Путь, 2004. 400 с.
41. Щедровицкий Г. П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М. : Наследие ММК, 2005. 800 с.

Educational significance of the meanings by Gustav Shpet (To the 140th anniversary of G. G. Shpet)

Yu. A. Saurov¹, E. A. Schastlivtseva²

¹Doctor of pedagogical sciences, professor of the Department of physics and methods of teaching physics, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru

²Doctor of philosophical sciences, professor of the Department of culturology, sociology and philosophy, Vyatka State University. Russia, Kirov.

E-mail: abcr@yandex.ru

Abstract. The article expressed our long-term interest in the work of G. G. Shpet. A hundred years ago, in the works of the thinker from the point of view of clearly formulated methodology of knowledge important ideas about the meaning as a necessary tool for understanding the world or the history of the world and himself were expressed and justified. In our time, it is not only about the academic interest in the concepts of meaning, but also, most importantly, about the applied importance of using this tool of knowledge and understanding in education. It is now in the conglomerate (chaos) of texts that the ability to distinguish (perhaps produce) the meanings of texts is so important. Without this, intellectual bonds of people like understanding will not work effectively. The article aims to show the birth of meaning in the context of social thinking. The authors turn to the philosophical heritage of G. G. Shpet, in particular to his extensive work «History as a problem of logic». The article reveals the problem of constructing meaning in social reality, including in history. The meaning depends on the object of knowledge. Understanding, according to G. G. Shpet, does not give a scientific explanation. Any scientific explanation needs an objective, that is logical form because of this history is the subject (problem) of logic, namely the subject of rational, discursive explanation. This explanation should be seen not in the creative activity of the subject, but in the real connection of real objects-facts. Through the concept of the philosopher comes to the problem of universal. The problem it solves is the problem of correlation between intuition and concept. G. G. Shpet displays a special kind of intelligent intuition, which he directs to a specific historical subject. In historical cognition we deal with the correlation between the logical and the actual. G. G. Shpet's methodology is also applicable in the educational process: as an instrument of explanation and cognition, and understanding acts as an internal on the basis of explanation, moment of cognitive activity. The category of meaning is an important tool for learning educational reality being an ontological category. The differentiation of meaning and knowledge allows us to move further in understanding the meaning, based on the goal-setting activities of different groups and their organizations.

Keywords: sense, methodology, history, knowledge, cognition, facts, models, sign thinking, activity.

References

1. Vasilyuk F. E., Zinchenko V. P., Meshcheryakov B. G. et al. *Metodologiya psichologii: problemy i perspektivy* [Methodology of psychology: problems and prospects] / the general editorship of V. P. Zinchenko, scient. editor T. G. Shchedrina. M. ; SPb.: Center for humanitarian initiatives. 2013. 528 p.
2. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Logical-philosophical treatise]. M. Canon+. 2014. 288 p.
3. *Gustav Shpet i ego filosofskoe nasledie: u istokov semiotiki i strukturalizma: kollektivnaya monografiya* – Gustav Shpet and his philosophical legacy: at the cradle of semiotics and structuralism: the collective monograph / scientific ed. T. G. Shchedrina. M. Russian political encyclopedia. 2010. 527 p.
4. Deleuze G. *Logika smysla* [Logic of sense]. M. Academicheskij project. 2015. 472 p.
5. Dilthey V. *Sushchnost' filosofii* [Essence of philosophy]. M. Intrada. 2001. 159 p.
6. Zinchenko V. P. *Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya)* [Thought and Word of Gustav Shpet (return from exile)]. M. Publishing house of URAS. 2000. 208 p.
7. Il'enkov E. V. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. M. Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute. 2010. 808 p.
8. Kozlova M. S. *Lyudvig Vitgenshtejn* [Ludwig Wittgenstein] // *Filosofy XX veka* – Philosophers of the twentieth century. M. 1999. Pp. 19–39.
9. Leont'ev D. A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. M. Smysl. 2003. 487 p.
10. Mamardashvili M. K. *Strela poznaniya (nabrosok estestvennonauchnoj gnoseologii)* [Arrow of knowledge (outline of the science of epistemology)]. M. School «Languages of Russian culture». 1997. 304 p.
11. Mamardashvili M. *Moj opyt netipichen* [My experience is atypical]. SPb. Azbuka. 2000. 400 p.
12. Mamardashvili M. *Kantianskie variacii* [Kantian variations]. M. Agraf. 2000. 312 p.
13. Mamardashvili M. *Estetika myshleniya* [Aesthetics of thinking]. M. Moscow school of political studies. 2000. 416 p.
14. Mamardashvili M. K. *Polnyj kurs lekcij. Filosofiya Evropy. Psihologicheskaya topologiya puti* [Full course of lectures. Philosophy of Europe. Psychological topology of the way]. M. AST. 2016. 968 p.
15. Momdzhyan K. H. *Rol' soznaniya v deyatel'nosti lyudej – ob aktual'nosti starogo spora* [The role of consciousness in human activity – on the relevance of the old dispute] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2018, No. 6, pp. 76–88.
16. Multanovskij V. V. *Fizicheskie vzaimodejstviya i kartina mira v shkol'nom kurse* [Physical interaction and world view in school course]. M. Posveshchenie. 1977. 168 p.
17. Nalimov V. V. *V poiskah smyslov* [In search of senses]. SPb. Center for humanitarian initiatives. 2013. 464 p.
18. *Nauka i social'naya kartina mira: k 80-letiyu akademika V. S. Stepina* – The science and social picture of the world: to the 80th anniversary of academician V. S. Stepin / edited by V. I. Arshinov, I. T. Kasavin. M. Alpha-M. 2014. 768 p.
19. Razumovskij V. G., Saurov Yu. A. *Nauchnyj metod poznaniya v shkol'nom obrazovanii kak vysochajshaya duhovnaya cennost'* [Scientific method of knowledge in school education as the highest spiritual value] // Scientific basis of educational development in the XXI century. SPb. SPbSUP publishing house. 2011. Pp. 292–296.
20. Salmina N. G. *Vidy i funkcii materializacii v obuchenii: monografiya* [Types and functions of materialization in education: monograph]. M. Moscow State University Publ. 1981. 136 p.
21. Saurov Yu. A. *Programma formirovaniya metodologicheskoy kul'tury sub"ektiv obrazovaniya* [Program of formation of methodological culture of subjects of education] // *Obrazovanie i samorazvitie* – Education and self-development. 2009, No. 1, pp. 3–11.
22. Saurov Yu. A. *Intellektual'nye variacii o smysle...* [Intelligent variations about the meaning...] // *Vestnik VyatGGU* – Herald of VyatSHU. 2016, No. 7, pp. 95–97.
23. Saurov Yu. A. *Metodika obucheniya fizike: poiski smyslov – lyudi i idei... Voprosy naukovedeniya: monografiya* [Methods of teaching physics: the search for meanings-people and ideas ... Questions of science study: monograph]. Kirov. Kirov regional printing house. 2017. 356 p.
24. Saurov Yu. A. *Voprosy metodologii i sodержanie fizicheskogo smysla v obuchenii* [Problems of methodology and content of the physical meaning of learning] // *Uchebnaya fizika* – Teaching physics. 2018, No. 2, pp. 47–63.
25. Saurov Yz. A., Nizovskih N. A. *Problemy sovremennogo poznaniya cheloveka v mire* [Problems of modern human cognition in the world] // *Voprosy psichologii* – Questions of psychology. 2015, No. 1, pp. 159–161.
26. Smirnov A. V. *Soznanie. Logika. YAzyk. Kul'tura. Smysl* [Consciousness. Logic. Language. Culture. Meaning]. M. Languages of Slavic culture. 2015. 712 p.
27. Soboleva M. E. *Filosofskaya germenentika: ponyatiya i pozicii* [Philosophical hermeneutics: concepts and positions]. M. Academicheskij Project; Gaudeamus. 2014. 151 p.
28. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. M. Progress-Traditsiya. 2000. 744 p.
29. *Stil' myshleniya: Problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya: k 80-letiyu Vladimira Petrovicha Zinchenko* – Style of thinking: Problem of historical unity of scientific knowledge: to the 80th anniversary of Vladimir Petrovich Zinchenko / edited by T. G. Shchedrina. M. Russian political encyclopedia. 2011. 640 p.
30. Schastlivceva E. A. *Analiz fenomenologii Gustava Speta: monografiya* [Analysis of the phenomenology of Gustav Shpet]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010. 271 p.

31. Feyerabend P. *Proshchaj, razum* [Farewell to the mind]. M. AST: Astrel. 2010. 477 p.
32. *Chelovek v mire znaniya: k 80-letiyu Vladislava Aleksandrovicha Lektorskogo* – A Human in the world of knowledge: on the 80th anniversary of Vladislav Aleksandrovich Lecture / resp. ed. – comp. N. S. Avtonomova, B. I. Pruzhinin; scientific ed. T. G. Shchedrina. M. ROSSPEN. 2012. 623 p.
33. *Shpet G. G. Sochineniya* [Works]. M. Pravda. 1989. 603 p.
34. *Shpet G. G. Istoriya kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya* [History as a problem of logic: Critical and methodological studies]. M. Monuments of historical thought. 2002. 1168 p.
35. *Shpet G. G. Filosofskaya kritika: otzyvy, recenzii, obzory* [Philosophical criticism: comments, reviews, summaries] / comp., scient. ed. T. G. Shchedrina. M. Russian political encyclopedia. 2010. 487 p.
36. *Shpet G. G. Istoriya kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. CHast' pervaya. Materialy* [History as a problem of logic: Critical and methodological studies. Part one. Materials] / resp. ed. – comp. T. G. Shchedrina. M.; SPb. Universitetskaya kniga. 2014. 510 p.
37. *Shpet G. G. Istoriya kak problema logiki: Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. CHast' vtoraya. Arhivnye materialy* [History as a problem of logic: Critical and methodological studies. Part two. Archival materials] / resp. ed. – comp. T. G. Shchedrina. M.; SPB. Universitetskaya kniga. 2016. 728 p.
38. *Shchedrovitskiy G. P. Izbrannye trudy* [Selected works]. M. School of cultural policy. 1995. 800 p.
39. *Shchedrovitskiy G. P. Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki* [Philosophy. Science. Methodology]. M. School of cultural policy. 1997. 656 p.
40. *Schedrovitskiy G. P.* [Problems of logic of scientific research and analysis of the structure of science]. M. Put'. 2004. 400 p.
41. *Schedrovitskiy G. P. Myshlenie – Ponimanie – Refleksiya* [Thinking-Understanding-Reflection]. M. Nasledie MMK. 2005. 800 p.